Олливандер протянул Гермионе палочку. — На этот раз — эльм. Сердце дракона, — произнес он, имея в виду как природу сердечной струны в палочке, так и ее роль в качестве стержня. Она взяла палочку, и он снова почувствовал ее магию, но не ту, что ожидал. С ней было трудно, как и с Гарри, если бы тот не наткнулся на такую сильную связь. Тем не менее, Олливандер передал палочку мальчику, сохраняя видимость. Не стоит торопиться с выводами.Странное чувство витало в воздухе, когда пальцы Гарри коснулись дерева. Мальчик, словно по наитию, повернулся и взмахнул палочкой. На этот раз она залечила трещину, которую он сам же создал первым взмахом. Олливандер был поражен: обычно магия, которую он видел здесь, оставляя свои палочки, была обыденной или случайной. Но мальчик, похоже, обладал поразительным контролем над своей магией. Гарри с ухмылкой вернул палочку, явно довольный тем, что исправил ущерб.Олливандер покрутился, уронил вязовую палочку на стол и освободил следующую. Он бесцеремонно протянул ее Гермионе, которая ничуть не отреагировала на дерево и сердцевину. Немного нетерпеливый, он грубо выдернул палочку из ее руки. Он сделал паузу, прежде чем направить рукоятку на мальчика. — Холли, с сердцевиной из пера феникса, — произнес Олливандер, наблюдая за происходящим как ястреб. Все его чувства были сосредоточены на Гарри. Наступил момент истины.Пальцы Гарри сомкнулись на темной рукоятке палочки, и Олливандер погрузился в вихрь магии, исходящий от мальчика. Он улыбнулся, наблюдая за тем, как палочка… ВСПЫХНУЛА! Гарри вскрикнул и выронил палочку, когда от кончика вниз с огромной скоростью распространилось интенсивное белое пламя. Через секунду вся палочка была охвачена жарким белым пламенем, а еще через несколько секунд она полностью исчезла.— Простите. Клянусь, я не хотел этого делать, — взмолился Гарри.Олливандер ничего не ответил, его рот был широко раскрыт, а глаза устремлены на кучку пепла, лежащую на полу перед ним. На мгновение вспыхнула вторая вспышка белого пламени, а когда она угасла, на полу лежало одно красное перо. Он снова поднял глаза на мальчика, но все еще не мог вымолвить ни слова. Он повернулся к прилавку и, не задумываясь, достал из одной из принесенных коробок еще одну палочку, медленно протягивая ее Гарри — первую он передал, когда повернулся обратно. Гарри посмотрел на палочку с недоумением. Отчасти со страхом, отчасти с замешательством. Если бы его мысли были более спокойными, Олливандер, возможно, и отреагировал бы, но его мысли все еще были заняты очевидным выбором, разрушенным на полу его магазина. Он даже не обратил внимания на то, что Гарри пытается вернуть палочку.Через мгновение Гарри передал палочку Гермионе, и вихрь ее магии пронесся по магазину, сдув остатки остролиста и заставив несколько коробок упасть в задней части магазина. Волосы Гермионы разметались, а на губах расплылась широкая улыбка. Эта реакция окончательно отвлекла Олливандера от его собственных мыслей, и он посмотрел на идеальную пару перед собой.— Э-э… можно, Гермиона? — спросил он, вспомнив, как мальчик произнес это имя.Она протянула ему палочку с трепетным видом. Она явно боялась, что он заберет ее у нее навсегда. Он внимательно осмотрел ее, вспоминая, как ковал ее шестьдесят три года назад. Она была сделана из бузины, самого неприятного дерева для работы. За эти годы он сделал семнадцать бузинных жезлов, в большинстве случаев в тщетных попытках, которые в то или иное время предпринимали все мастера, услышав эту историю. Но эта палочка оказалась в паре с восхитительным сюрпризом в своей основе.— Бузина, одиннадцать дюймов, точно, — отметил он, изучая длину. — Пружинистая, несмотря на обычную жесткость этих палочек. И сердцевина из волоса единорога. Меня это очень удивило, ведь бузина обычно любит переходить из рук в руки, а шерсть единорога часто отказывается это делать. Странно, что и от хвоста кобыла отказалась. — Он продолжил, снова вспоминая о том, сколько труда и подготовки было вложено в каждую из его палочек. — Этот волос был взят из самой великолепной гривы, которую я видел у единорога. Думаю, вы найдете эту палочку по-настоящему мощной и верной.Гермиона практически засияла, когда он передал ей палочку обратно, и снова произошла меньшая реакция, но на этот раз она лишь раздула ее дикие волосы. Олливандер обернулся к Гарри и понял, что даже не обратил внимания на реакцию мальчика на палочку девочки. Неважно, у

него все еще был клиент, которому нужно было соответствовать, и теперь ему, очевидно, приходилось опасаться и за свой товар. Он посмотрел на стопку палочек, оставшихся на прилавке, и заметил среди них еще одну странность. Он вытащил палочку и повернулся к Гарри. Под давлением вспышки девушки чары еще больше ослабли, и теперь он снова выглядел почти самим собой. Лохматые волосы заметно потемнели, хотя по-прежнему были светлыми.— Роуэн, на этот раз, — произнес Олливандер.Гарри выхватил палочку, и весь магазин задрожал. От резкого толчка Олливандер потерял опору и, падая назад, слегка ударился головой о край прилавка. Девушка быстро обхватила Олливандера за плечи, но его реакция была самой удивительной. Его глаза вспыхнули глубоким сиянием, а волосы взметнулись, как и у девушки. От него толстыми волнами исходила сила, когда он смотрел на отполированное бледное дерево в своих руках. Гермиона протянула руку и вырвала палочку из пальцев Олливандера, и реакция немедленно прекратилась. Олливандер не мог оторвать глаз от мальчика. Хотя он и не получил палочку, на которую рассчитывал, Поттер доказал, что вера, лежащая в основе предложения, была здравой. От мальчика исходила сила, а он, казалось, почти ничего не замечал. Воистину, великие дела.— Антиподийская сердечная жила. Один из немногих сердечников, которые я не собирал сам, — Олливандер поднялся на ноги, вытирая пыль и ставя неустойчивую стопку коробок на прилавок, пока они не поддались гравитации. — Мне сказали, что он был жемчужиной их заповедника, пережив всех остальных представителей своего рода на значительную величину. И, если слухи правдивы, он решил покончить с жизнью. Вырезал собственное сердце и положил его перед хозяином заповедника всего десять лет назад. Когда-то он был моим бывшим учеником, до того как понял, что забота о животных — его истинное призвание. Он сразу же прислал мне центральную сердечную нить, и я просто обязан был сделать из нее что-то особенное.Гарри с благоговением смотрел на палочку в левой руке Гермионы. — Рован — восхитительное дерево для работы…— Он очень защищает, — прошептал Олливандер, — а с этим сердечным стержнем ещё и придает силы. Великие вещи. — Его взгляд скользнул между ними, и он усмехнулся, решив не рассказывать о том, что многие в его профессии считали бузину и рябину деревом для палочек. — Вы оба явно предназначены для великих дел.— Любопытно, что они оба имеют размер ровно одиннадцать дюймов и одинаково пружинисты, учитывая различия в этих двух породах дерева, — проговорила Гермиона, разглядывая палочки.В магазине снова воцарилось молчание, и квартет застыл на месте. Тишину чудесно нарушил Гаррик, громко хлопнув в ладоши, заставив остальных троих подпрыгнуть, и обогнул прилавок. — Превосходно, превосходно! — воскликнул он. — Итак, мы платим вместе или раздельно?Гермиона взглянула на Гарри, который только кивнул, не отрывая глаз от рябиновой палочки, и повернулась к эльфу.— Немея, пожалуйста. — Она обернулась и посмотрела на Олливандера. — Сколько?— Обычно не очень много, но эти два предмета — одна из лучших моих работ, — ответил Олливандер.— И остролист, — прошептал Гарри.— Простите?— Мы заплатим и за палочку остролиста. Я все еще сожалею об этом, — ответил Гарри, впервые оторвав взгляд от палочки. — Хорошо, если хотите. Боюсь, все три вместе составят 27 галеонов.Гермиона растерянно посмотрела на него.— И сколько это в фунтах?Гаррик посмотрел на девушку, которая, как он теперь знал, должна была быть магглорожденной, на мгновение, прежде чем его взгляд переместился на Гарри. Мальчик почему-то по-прежнему смотрел вниз. Почему Гарри Поттер стоял там с магглорожденной девушкой? Тем более такой юной? И если причина отсутствия родителей у Поттера была хорошо известна, то где были родители девочки?— Боюсь, мы принимаем только галлеоны, дорогая. — Гаррик, казалось, был готов к этому вопросу. — Немея, домой! — позвал Гарри, и эльфийка вмиг исчезла. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем она вернулась с эльфом намного старше и намного злее.— Папаша? — прошептала Гермиона, когда старший эльф подошел к прилавку и швырнул на столешницу мешок с галлеонами — впечатляющий подвиг, учитывая, что Гаррик даже не мог разглядеть макушку своей головы над скамейкой. Эльф вернулся к детям и протянул руку. Гермиона вложила обе палочки в его руку, после чего старый эльф грубо схватил Гарри за руку и с треском исчез. Гермиона на мгновение подняла

на него глаза, прежде чем младший эльф вложил свою руку в руку девочки.— Спасибо, сэр. — И со вторым треском она тоже исчезла.Гаррик опустился на стул, стоявший за прилавком. Этот день явно прошел не так, как он ожидал. Мальчик был жив, а братская палочка уничтожена. И еще оставалась загадка той девушки. Гаррика не часто посещала потребность в ответах. Он был вполне счастлив в своей работе и своих знаниях, но этот день заставил его мысли кружиться, и желание получить ответы перевесило здравый смысл. Поэтому он покинул запечатанную лавку и поспешил в свой маленький кабинет, где достал перо и начал писать письмо. Вторник, 20 декабря 1988 года. Альбус был удивлен, получив письмо от Гаррика вот так неожиданно, но оно наконец-то дало ответ на вопрос, над которым он так долго размышлял. Неудивительно, что эти чертовы гоблины отказывали ему при каждом удобном случае. Истиннорожденный наследник все еще жил, хотя как он жил, оставалось только догадываться. Хагрид появился слишком поздно, чтобы дать ему достоверную оценку произошедшего. К тому времени, когда Альбус смог осмотреть разрушенный коттедж, в обломках не было обнаружено никакой остаточной магии. Он вздохнул, в очередной раз оплакивая потерю Поттеров. Печальное воркование феникса раздалось неподалеку, подчеркнув момент печали. Однако меланхолия быстро прошла, когда он понял, что не все они погибли той ночью. Это означало, что у него появились новые возможности. До этого он действовал вслепую. Он искал способ достичь своей давней цели, но не знал, как это сделать. Отсюда и трудности, с которыми он сталкивался до сих пор. Теперь же у него была определенная цель.Альбус поднялся из-за стола и подошел к нескольким небольшим серебряным предметам, украшавшим его кабинет. За годы его пребывания здесь многие интересовались, чем занимаются эти странные устройства, шипящие и дымящие в любое время дня и ночи. Некоторые из бывших Глав даже жаловались на шум. Нужный ему прибор — высокий треножник с подвешенным к нему серебряным маятником с тонким острием — стоял у задней полки. Ему редко приходилось пользоваться этим прибором. Альбус вернул его на стол, достал из ящика карту Англии, установил штатив в центре острова и нанес каплю собственной крови на верхушку маятника, после чего постучал по нему старшей палочкой. Маятник начал вращаться. Сначала крошечными движениями, а вскоре он начал двигаться широкими концентрическими кругами. Мощное заклинание, заложенное в древнем гномьем устройстве и усиленное силой Старшей палочки, искало свою цель. Альбус улыбнулся: спустя годы Камень снова был в пределах досягаемости. Скоро он получит то, к чему так долго стремился. Улыбка исчезла, когда маятник снова расширился. Внезапно, без предупреждения, он сместился почти на девяносто градусов относительно карты и с силой ударился об одну из ножек треножника. Оба куска металла разлетелись по комнате, и Альбус ошеломленно смотрел на совершенно разрушенное устройство, тлеющее на его столе. Он опустился на стул, в замешательстве наблюдая за тем, как разрушенная безделушка издыхает. Подсматривание было неэффективным, даже если цель была хорошо известна. Где же был мальчик, которого так хорошо скрывали? Даже Хогвартс не смог бы помешать заклинанию такой силы найти его. Пока Альбус размышлял над проблемой, Фоукс издал еще один, куда более горестный вопль. Где же был Гарри Джеймс Поттер?

http://tl.rulate.ru/book/103225/3584413